

Артур Конан Дойл

Трудно представить читателя, которому Конан Дойл не был бы известен как ведущий классик, в некотором смысле «отец» детективного жанра — и один из представителей старой фантастики. При такой широте литературного охвата его интерес к «привиденческой» тематике неудивителен. Правда, на разных этапах жизненного и творческого пути он проявлялся не одинаковым образом.

В сборнике представлены все эти этапы. «Призраки старой усадьбы» — фактически первый из полноценных рассказов Конан Дойла, написанный еще в студенческие годы, надолго утерянный и обнаруженный уже в XXI веке; в нем, кроме решения чисто литературных задач, отчетливо чувствуется юношеский интерес к «странному и страшному», а вдобавок и поиск своего пути (например, появление пары центральных героев, отдельными чертами напоминающих Холмса и Ватсона). Следующие два рассказа, «Забияка из Броукас-Корта» и «Призрак по сходной цене» — произведения зрелого мастера, смело экспериментирующего в самых разных направлениях, всерьез и с иронией: Конан Дойл был большим знатоком как бокса, так и средневековых реалий — настоящим, а не таким, как «Д'Оддз»-Доддз. А вот поздний «Призрак бродит по Лондону» (название условное) — уже не рассказ, а скорее отчет «охотников за привидениями», относящийся к тому периоду, когда сэр Артур увлекся спиритизмом: он написан всерьез, даже слишком всерьез...

Тем не менее автор, проявляя благородную, поистине джентльменскую доверчивость, не способен покривить душой — и честно признает, что сам-то он никаких призраков не видел, но верит на слово своим спутникам... которым, судя по всему, джентльменский кодекс не указ.

ПРИЗРАКИ СТАРОЙ УСАДЬБЫ

... Вот уже много лет события той страшной ночи стоят у меня перед глазами, и все, что произошло в моей жизни, четко делится на «до» и «после». Потому что в ту ночь я встретился с призраками...

Ваши чувства написаны на лице. Вы улыбаетесь? Напрасно — хотя, конечно, и сам я в свое время отреагировал бы на такое заявление лишь с ироническим недоверием. Однако послушайте меня...

Сейчас от того дряхлого флигеля, что стоял на нашей родовой земле (поместье Горстоп в Норфолке), уже ничего не осталось, однако в том году, когда у меня гостил Том Халтон, это здание еще пребывало во всей своей красе, вернее — в старческом уродстве. Сейчас это место находится на пересечении дорог, но в ту пору это была настоящая свалка. Окружающие постройки давно перестали существовать, сад пришел в запустение и зарос крапивой, вокруг — груды мусора, лужи помоев...

Короче говоря, в таком месте не захочешь оставаться ни днем, ни ночью — особенно если учесть, что в окрестных деревушках об этих развалинах ходили жутковатые рассказы. Конечно же, деревенские жители повествовали прежде всего о загробных стонах, доносящихся из недр полуразрушенного здания, а гвоздем этих повествований была давняя история некоего шалопаю по имени Гарстон, который будто бы на спор остался под этим проклятым кровом до утра — и был найден там живым, но с поседевшими волосами и трясущимся, как дряхлый старец.

Сам я в ту пору не сомневался, что все эти легенды объясняются исключительно суеверием, которое, увы, до сих пор характерно для необразованных жителей нашей провинциальной глубинки. Впрочем, наши фамильные архивы если и не подтверждали вышеупомянутые слухи, то, по крайней мере, отчасти делали понятным их происхождение: последним обитателем заброшенного здания был некий Годфри Марсден, злодей во всей силе этого слова, оставивший по себе недобрую память. Помимо множества прочих преступлений, на руках Марсдена была кровь двух его детей; жена, пытавшаяся его остановить, тоже поплатилась жизнью. Это чудовищное злодеяние было совершено почти сто лет назад, в смутную эпоху восстания Молодого Претендента¹, когда наша юстиция на определенное время оказалась почти парализована — поэтому преступнику удалось бежать на континент. Дальнейшая судьба его неизвестна. Те, кто прежде успел ссудить негодя деньгами (надо сказать, во всем мире лишь эти заимодавцы и пожалели о бесследном исчезновении Марсдена), все же попытались что-то выяснить — и из добытых ими сведений вроде бы следовало, что мертвое тело убийцы было выброшено волнами на французское побережье: якобы он, не в силах бороться с муками совести, сам бросился в море. Однако никто из людей, по-настоящему знакомых с Марсденом, совершенно не мог представить себе, что он и муки совести хоть как-то совместимы.

¹ Молодой Претендент, он же «Красавчик Чарли» — принц Карл Эдуард Стюарт, представитель королевского рода, в 1714 году отстраненного от английского трона. Прозвище связано с тем, что его отец, так и не сумевший занять престол под именем Иакова III, был прозван «Старшим Претендентом». После ряда неудач он в 1743 году уступил свои преимущественные права сыну — и через два года Молодой Претендент предпринял попытку завоевать корону. Эти его действия фактически превратились в поход на Англию шотландских кланов (с которыми Стюартов связывало разветвленное родство). 16 апреля 1746 года в битве при Каллодене правительственные войска одержали решительную победу, шотландские горцы были разгромлены, а Молодой Претендент бежал из страны. Данный исторический эпизод стал последним случаем военных действий на территории собственно Великобритании. (Здесь и далее примеч. пер.)

Томас Халтон был моим другом детства, а кроме того — просто удивительно доброжелательной и неунывающей личностью, чье появление могло развеять любую тоску, так что я был очень рад, когда он навестил меня в этом моем уединении. Мы всегда находили общий язык, хотя споры между нами возникали постоянно: я, выпускник медицинского факультета, привык избегать излишнего теоретизирования и видел вещи такими, какие они есть, — в то время как Том, проходивший учение в одном из германских университетов, к метафизике как раз был склонен¹. Сразу же после его приезда выяснилось, что мы по многим вопросам имеем диаметрально противоположное мнение, — однако поводом для настоящих разногласий это не стало, ибо мы сумели отнестись к нашим расхождениям во взглядах с юмором.

Уже не помню, как наш разговор перескочил на тему спиритизма и явления призраков, однако это произошло — и именно эту тему мы обсуждали дольше других. Время уже перевалило за полночь. Том вещал сквозь клубы дыма (он был заядлым курильщиком и не расставался с вересковой трубкой), как дельфийская пифия, скрытая за пеленой сернистых испарений, — хотя пифии, если верить древним, были хрупкими и изящными существами, а мой друг представлял собой великолепный типаж современного любителя спорта.

— Человечество издавна делится на тех, кто отрицает существование пришельцев из-за смертной грани, — и на тех, кто, относясь к этому вопросу без предвзятости, готов в определенных случаях признать *их* реальность. Характерно, что первой, скептической, категории сама мысль о призраках внушает ужас,

¹ Тут Конан Дойл словно бы «раздваивается», наделяя каждого из героев частичкой своей биографии. К моменту написания этого рассказа он, хотя еще и не стал выпускником медицинского факультета, уже готовился к переходу на выпускной курс, а за четыре года до этого прошел «промежуточный» (между последним школьным классом и зачислением в университет) курс обучения на континенте, правда, не в германском, а в австрийском городе Фельдкирхе. Сами же события, судя по упоминанию векового юбилея восстания Молодого Претендента, сдвинуты примерно на треть столетия назад.